

Новое время Петербург 1902. 22 ноября

В. И. СТРАВИНСКИЙ.

Рассказ 1902. 9599.

Въ Маринскомъ театрѣ всталъ завѣсть и начался оперный спектакль, а рядомъ въ домѣ на Крюковомъ каналѣ хоръ Архангельскаго задумчиво-трогательно пѣлъ похоронное «Святый Боже» надъ тѣломъ почившаго большого артиста.

Не надолго пережилъ Федоръ Игнатьевичъ своего товарища-однокашника киевлянина, также Федора Игнатьевича Пастернака.

Истрадался, измучился отъ страшной болѣзни, рака въ желудкѣ, Стравинскій и теперь спитъ мертвымъ сномъ.

Мраморнымъ изваяніемъ вырисовывается на подушкѣ строго спокойная, характерная голова артиста-художника. Въ былое время такимъ онъ гримировался для роли Сень-Бри въ «Гугенотахъ».

Онъ умѣлъ придавать этому фанатику много благородства и подкупающей сановитости.

Спитъ мертвымъ сномъ Федоръ Игнатьевичъ и никогда уже въ родныхъ, любезныхъ его сердцу стѣнахъ Маринскаго театра не будетъ раздаваться больше громкихъ кликовъ: Стравинскій! Стравинскій!...

Театральная публика въ массѣ быстро мѣняется. Сегодняшняя отзывчивая молодежь, такъ жадно ловившая каждый звукъ, каждое движеніе художника-артиста, скоро покинетъ очагъ артистическаго усѣха, оперный рай, разсыпется по Россіи, спустится въ ложи и партеръ; на сцену придутъ другіе юноши и дѣвушки, которые никогда не видѣли и не слышали Федора Игнатьевича. Явятся новые любимцы, будутъ слышаться съ верховъ вызовы по адресу другихъ Фарлафовъ, Олоферновъ, Сень-Бри...

Но кто слышалъ, кто видѣлъ на сценѣ Стравинскаго, навсегда запечатлѣтъ въ памяти обликъ удивительнаго художника.

Онъ былъ талантъ прирожденный, крупный, яркій. И чуткая оперная публика понимала и любила Федора Игнатьевича. Въ послѣдніе годы голосъ сталъ ему измѣнять, однако сила артистическаго дарованія была столь велика, что онъ заставлялъ забывать эти недочеты и выдвигалъ свою партію на первый планъ.

Для него не существовало невыигрышныхъ маленькихъ ролей; всегда онъ находилъ возможность отгнать, одухотворить, создать типъ.

Никто и никогда не могъ упрекнуть Стравинскаго въ копированіи. Онъ былъ самостоятельнымъ творцомъ ролей, творцомъ художественныхъ замысловъ.

Сколько желѣзной суровости вкладывалъ онъ въ одни типы! И тотъ же Стравинскій смѣшилъ до слезъ неподражаемымъ комизмомъ. Сегодняшній повелитель на завтра появлялся продувнымъ дьякомъ, ядовитый Мефистофель обращался въ трусливаго хвастуна Фарлафа, сумасшедшій жалкій мельникъ-воронъ—въ смѣшного доктора Бартоло.

Сценическій талантъ Стравинскаго былъ глубокъ и неизсякаемъ.

Завидная доля артиста при жизни въ расцвѣтъ силъ. Громъ аплодисментовъ, лавры и цвѣты. Но сошелъ со сцены, и нѣтъ возможности сохранить реальные слѣды его художественной дѣятельности. Слѣдуетъ хотя бы портретомъ, бюстомъ покойнаго артиста закрѣпить въ театрѣ память о немъ для потомства.

Четверть вѣка нести съ честью и талантомъ артистическое знамя—заслуга громадная.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что послѣ смерти знаменитаго О. А. Петрова изъ всѣхъ горестныхъ артистическихъ потерь русской оперной группы наиболѣе тяжка—кончина Стравинскаго.

Стравинскій душевно любилъ артистическую среду, болѣлъ ея нуждами, былъ

усерднымъ поборникомъ истинныхъ интересовъ театральнаго общества.

Въ лицѣ Стравинскаго русская сцена потеряла большого артиста-художника съ золотымъ сердцемъ и благородной душой.

На первой панихидѣ тѣсно было въ квартирѣ покойнаго. Надо полагать, въ понедельникъ на похороны поднимется весь художественный Петербургъ.

В. С. К.